

Опухоль совести

Тема онкологических заболеваний в России - запретная.

Потому что смертная. Чтобы выжить, эти пациенты готовы платить десятки тысяч - если они у них есть. Если их нет, то нет. И жизни тоже нет.

Хотя заботу о таких больных должно на себя брать государство. Как в реальности - узнавал The New Times.

В Московском областном онкологическом диспансере в Балашихе многолюдно. Коридоры забиты людьми. На всех - купленные тут же, у входа, за 5 рублей синие бахилы. Оттого и чисто. Люди сидят молча, почти не разговаривают. Терпеливо ждут своей очереди. Человек 10 сидят в очереди в кабинет химиотерапии. Если поднимают глаза - в них тихая паника. И смирение. Выходящие из кабинета больные тут же приваливаются к дверному косяку. Химиотерапия - тяжелая процедура.

Нина жила в деревне и работала помощницей по хозяйству. У нее был рак шейки матки. В Балашихинском диспансере ей объяснили, что шансов вылечиться у нее нет. Врач сказал: <На каждого человека есть свой рак. Одни до него доживают, другие - нет. Вы дожили>. И отправил домой. Через полгода у нее были метастазы. Через 7 месяцев Нина, которой было 53 года, умерла - рассказала ее подруга. 40-летняя Лариса проходит курс химиотерапии за государственный счет. <У меня рак яичника. Врачи говорят, что все будет нормально. Организм здоровый, выдержит, - говорит женщина. - Подружка моя, Оля, ее тут тоже вылечили. 3 года назад это было. Тот же диагноз, что и у меня. Не жалуется>. Лариса - одна из тех 480 тыс., кому каждый год в России, по официальным данным, ставят диагноз - рак. Онкология занимает 3-е место в рейтинге смерти в стране.

Рассчитывать только на себя

Лев Амбиндер, руководитель Российского фонда помощи и член президентского Совета по правам человека, помогает больным детям, в том числе и онкологическим больным, уже 13 лет. По его словам, в этом году государство выделило 4,5 тыс. квот для детей, страдающих от лейкоза. По сравнению с прошлым годом размер квоты был существенно увеличен - с 70 тыс. до 110 тыс. рублей. Вот только ее все равно не хватает. Например, детям, у которых лейкоз, часто нужна пересадка костного мозга. Подбор донора в таком случае обойдется в _15 тыс. плюс еще _1 тыс., чтобы доставить биологический образец в Москву из Германии, где есть специальная клиника и база доноров. А на лекарства нужно не меньше 1 млн рублей.

Если у ребенка саркома бедра, то ногу могут спасти, но нужен протез. Российские протезы, по словам Льва Амбиндера, не очень хорошие - их надо менять каждый год. Хорошие - немецкие. Но немецкий протез стоит 1 млн 200 тыс. рублей. Это если привозить из Германии самостоятельно. Если покупать в России, надо прибавить еще 30%. Государство это, разумеется, не оплачивает. Поэтому приходится рассчитывать либо на собственные силы, либо на помощь благотворительных организаций, либо и на то, и на другое.

Когда тянуть нельзя

Онкология у нас - <социально значимое заболевание >, и лечение больных берет на себя государство. Если с диагнозом не могут справиться на уровне районного диспансера или клиники, то больных должны направлять в специализированные центры - они есть в ряде городов страны. На лечение в таких центрах государство выделяет то, что называется квотами, то есть дополнительное финансирование. Но, по словам Валентины Петренко, председателя Комитета Совета Федерации по социальной политике и здравоохранению, денег часто не хватает.

Система квот работает плохо. И больным приходится выкручиваться своими силами.

Светлане под сорок: <По рекомендации я пришла в городскую клинику. Денег у меня не было. Врачи сказали, что через неделю будет квота. А потом выяснилось, что мне она не досталась. А здесь долго тянуть нельзя - это убийство, - говорит она. - Пришлось воспользоваться связями, и мне выделили квоту через Госдуму как

бюджетнице. Потом отдала 60 тыс. рублей, чтобы меня прооперировали пораньше». Операция прошла успешно и химиотерапию делать не пришлось: она бы обошлась еще в 160 тыс. рублей. Плюс лекарства.

<Пишите завещание>

Марии было 43 года, когда во время операции по удалению опухоли у нее обнаружили обширные метастазы. Рак 3-й стадии, уже переходящий в 4-ю. Предоперационные медицинские обследования, в том числе УЗИ и компьютерная томография, онкологи не выявили. Врачи Курганского областного онкологического диспансера, впрочем, намекали, что выявить было бы можно, если бы с ними, по словам мужа Марии Егора, <договорились>. Пациентке дали 2-3 месяца жизни и совет - писать завещание. Никаких квот на лечение в столице, естественно, даже не предлагалось. Но мама и муж Марии решили бороться. Связались с дальним знакомым, у которого клиника в Германии, переслали туда результаты обследования и получили ответ: вылечить можно. Цена за лечение - _25 тыс. Таких денег у семьи не было. Мама Марии пошла на прием к губернатору Курганской области и смогла выбить для дочери квоту на лечение в Москве: на область, по словам Егора, их выделяется 83. Марию отправили в Российский научный центр имени Блохина. Между Москвой и Курганом семья курсировала почти 2 года. Рассказывает подруга Марии Елена Сусляева: <За два года только на взятки ушло больше \$10 тыс. Медсестре, которая делает химиотерапию, - 150 руб. за укол. За томографию - 7 тыс. рублей, потому что нет возможности ждать неделю>. Оперировали по государственной квоте, но за лекарства пришлось платить. А еще платить за пребывание в палате реанимации - \$100 в сутки, за дежурство медсестры - 2 тыс. рублей в сутки и даже за уборку. А что делать? Зарплаты медсестер и нянечек мизерные. Осенью 2008 года Мария, несмотря на все усилия врачей и родных, умерла.

Дорогу осилит идущий?

The New Times обратился к медикам из Научного центра имени Блохина, но комментировать ситуацию там отказались. Чиновники из Минздрава предложили обратиться к ним с официальным письменным запросом. Валентина Петренко сообщила, что планирует <собрать круглый стол по проблемам онкологии>. <В первую очередь нужно найти способ диагностировать рак на самых ранних стадиях. Это должна быть высокотехнологичная диагностика, доступная даже для сельских жителей. Сейчас многие обращаются к врачу, когда уже слишком поздно, - сказала она The New Times. - Также надо переосмыслить систему квот. Здесь не должно быть усредненной цифры, стоимость лечения для каждого должна рассчитываться индивидуально>. Валентина Петренко очень надеется на недавно принятую правительством Национальную онкологическую программу: ^{(1)} на диагностику и лечение онкобольных предполагается направить 6 млрд рублей. Много это или мало? На этот вопрос Петренко ответила: <Денег никогда не бывает достаточно>.

1 Постановление правительства № 189 <О Национальной онкологической программе <Комплекс мероприятий по совершенствованию организации онкологической помощи>.

Автор: Екатерина Савина © Новое время ЗДОРОВЬЕ, РОССИЯ 👁 2806 26.03.2009, 14:49 ↻ 154

URL: <https://babr24.com/?ADE=76304> Bytes: 6769 / 5218 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Екатерина
Савина.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)